

“А

каткин, преподаватель Воронежского университета...» — так деловито и сдержанно, не чинясь, говорит о себе известный литературовед, писатель, заслуженный деятель науки Российской Федерации, выступая на литературно-критических вечерах и читательских конференциях, которые проводят в Воронеже творческие союзы и университетское сообщество. Без альма-матер, юбилею которой посвящена одна из самых заветных книг ученого, невозможно представить Виктора Михайловича Акаткина.

Он поступил на филологический факультет ВГУ в далеком 1961-м году. Абитуриентам «из рядов Вооруженных Сил», прибывшим сдавать экзамены с опозданием, пришлось тогда расположиться на ночлег во дворе одного из университетских корпусов (мест в общежитии не хватало, а железные кровати стояли под открытым небом). Однако трудности не смущали. Путь к «вратам учености» и прежде был непрост: работая в колхозе с 12 лет, Виктор тянулся к знаниям, почти каждый день выша-

гивал по десять километров до ближайшей десятилетки и столько же обратно. Книг не хватало, поэтому многое из прочитанного запоминал наизусть, по пути в школу обдумывал и повторял любимые строки. Литература «грела» и в заснеженном морозном Заполярье, где довелось служить в пограничных войсках. Уроки самообразования не прошли даром — ответ на вступительном экзамене приемная комиссия признала одним из лучших.

Учеба в университете, каждодневная сосредоточенная работа в библиотеке, обсуждение журнальных новинок в лекционной аудитории, густо наполненной студентами и преподавателями, — всюду было ощущение «филологического братства», которому профессор В.М. Акаткин верен и сегодня. Он часто с благодарностью вспоминает своих «учителей-вольнодумцев»: Анатолия Михайловича Абрамова, Аллу Борисовну Ботникову, Владислава Петровича Скобелева, Сергея Георгиевича Лазутина, Бориса Тимофеевича Удодова, вступавших в живой, нескучный диалог со студентами вместо повторения пропис-

Виктор Акаткин (в центре) с коллегами

ных истин. Как пишут однокурсники, в аудитории «обсуждались многие виды искусств, а не только литература». Символично, наверное, что первая заметка, напечатанная в многотиражной газете «Воронежский университет» за подписью студента Акаткина, была посвящена концерту симфонического оркестра.

Набираясь знаний, он не искал проторенных путей. Дипломное сочинение посвятил поэзии Заболоцкого, отбывшего лагерный срок, и Твардовского, литературная и гражданская позиция которого все очевиднее расходилась с официальным партийным курсом. Избран «трудную тему» (не только по новизне, но и по «идеологическим обстоятельствам»), выпускник филологического факультета блестяще защитил свое исследование перед государственной комиссией, состоявшей в основном из университетских наставников и преподавателей.

«Времени нет для мороки» — слова Твардовского настраивали на каждодневный упорный труд. Личность поэта, удивительно много сделавшего для русской литературы, критики и публи-

цистики, покоряла силой профессионального и нравственного примера, со страниц его произведений «слышались знакомые с детства голоса», оживали стертые временем картины, ко многим строчкам «хотелось вернуться, как к хорошему воспоминанию». Душевные созвучия помогали постигать «простое и мощное» творчество Твардовского по «законам, им самим над собою поставленным».

Виктор Акаткин многому учился у редактора «Нового мира» и в аспирантуре. После защиты кандидатской диссертации продолжал исповедовать принципы той же эстетики: неприятие штампов, терминологической неразборчивости, «мертвых» слов и застывших выражений, поиск формулировок, понятных читателю простого звания, во многом обусловлены «уроками правды и естества». Как заметил Г.Н. Троепольский в предисловии к первой монографии литературоведа, тот как будто сверяет с поэтом свое восприятие русской культуры, «классиков и современников». Но «сверять с Твардовским» жизнь литературно-критическо-

го слова в условиях подцензурного общения с учителем было весьма непросто. Вспоминая те годы, В.М. Акаткин откровенно напишет в книге «Прощание с утопией»: «У многих из нас возникал в душе тревожный и опасный вопрос: а нужен ли я как критик? Как честный собеседник, как первооткрыватель неведомого, имеющий право пробить тревогу там, где нарастают опасные нарывы и шлаки? И мы пытались заглушить эти вопросы делом, говорили и писали, но по какой-то странной логике все это кому-то казалось более опасным, чем те самые нарывы и шлаки. Нам возвращали наши статьи, исколотые красным карандашом, и мы, сжав зубы, клали их в стол до будущих лучших времен».

Многое, конечно, удавалось сделать и в годы, неблагоприятные для творчества. Работы В. Акаткина о поэзии А. Жигулина, Н. Рубцова, А. Прасолова были известны и востребованы. Статью «В поисках главного слова», посвященную проблемам «тихой» лирики (Вопросы литературы. — 1974. — № 3), авторитетный зарубежный славист В. Казак включил в перечень лучших работ о русской поэзии XX века. Хорошо помню и мои читательские впечатления. В московской публичной библиотеке, куда в конце 1970-х зачастила наша студенческая группа, я с удивлением заметил в одной из книг воронежского исследователя формулировки, несовместимые с гражданской апатией и дремой: «Роковая черта, отделившая нас от живого Твардовского, прочнее соединила с его поэзией»; «Самый маленький человек может оказаться воплощением всего человеческого и, напротив, поднятый на вершину славы не выдержать испытания на человечность».

На исходе той эпохи эти слова воспринимались как иносказания. Конечно, я не знал тогда, что подготовка к печати монографии В.М. Акаткина с лаконичным названием «Александр Твардовский: Стих и проза» (1977) сопровождалась рефреном непреклонных

слов редакторов: «нет», «нельзя», «там не согласятся». Ссылки на труды В. Шкловского и Б. Эйхенбаума вызывали у осторожных цензоров опасения: «А это тоже поэты? А за границу они не уехали?» Сегодня эти вопросы из прошлого похожи на неудачный анекдот, но они хорошо характеризуют «обессоленное время» (И. Дедков) запретов и постановлений. Однако именно в семидесятые «чинопочитание перестало быть априорным условием публикации и превратилось в проблему личного выбора» (С. Чупринин). Принадлежность к сохранившему достоинство научному сообществу сформировала особый тип исследовательского поведения, в соответствии с которым, «занимаясь наукой», следовало считать ее не карьерным, но подлинно общественным и личным делом, а печатное или произнесенное в аудитории слово — фактом собственной духовной биографии, в котором с течением времени не придется раскаиваться. В этом нравственном выборе уроки Твардовского, конечно, всегда «имелись в виду».

Не пасуя перед трудностями, В.М. Акаткин стал одним из организаторов научной конференции, посвященной «Книге про бойца». Коллективный труд ««Василий Теркин» А. Твардовского — народная эпопея» (1981) заметил новые пути ее изучения. Но анализ художественно-публицистического наследия поэта был неполон без добросовестного изучения истоков его творчества. Ситуация усугублялась тем, что после безвременной кончины Твардовского над «неудобными» фактами его биографии и творчества был опущен плотный занавес молчания.

В докторской диссертации ученый решил «пойти дорогами юного Твардовского», чтобы в «сопоставлениях, связях, отталкиваниях» рассмотреть вопросы формирования его художественного мира. Итоги многолетней работы, включавшей поездки в труднодоступные архивы, изучение прежде неизвестных документов были обобщены в книге «Ранний Твардовский:

Проблемы становления» (1986). На ее страницах подробно освещались вопросы литературно-критической полемики, отшумевшей на Смоленщине в 1920–1930-е годы, в непривычно полном объеме анализировались ранние стихотворения и поэмы, дневники, рабочие тетради, письма поэта. Этот подход соответствовал академическим требованиям, однако рукопись, подготовленная для печати, вызвала многочисленные нарекания. На дворе набирал силу шум горбачевской «перестройки», но, как в дурном сне, история повторялась. Вновь возбранялось упоминать слова «кулак», «зажиточные», «раскулаченные». Вновь редакторы кривились, встречая неизвестные им имена литературоведов и критиков.

С «несовпадением оценок и мнений» приходилось сталкиваться и позже, в московских издательствах. С наступлением «перемен к лучшему» не сразу была отменена предварительная цензура. Называть вещи своими именами допускалось лишь в «пределах общепринятого и дозволенного». Но масштаб и глубина исследовательских задач закономерно приводили к необходимости изучать «неявные» для официальной науки закономерности и «причинно-следственные связи», определявшие специфику творческого процесса.

В новое время работы В.М. Акаткина открывали читателям малоизвестные страницы русской литературы XX века, состоявшей, по замечанию В. Каверина, «из множества трагических биографий, не совершившихся событий, из притворства, предательства... неслыханного мужества и еще более неслыханной невозможности самоуничтожения». Не уходя от дискуссионных вопросов, в статьях и книгах, на занятиях со студентами университетский профессор анализирует не только явленные в поэтическом слове искушения, заблуждения и болезни времени, но и его высокий трагедийный пафос. А иначе как говорить об Ахматовой, Бунине, Есенине, Мандельштаме, Платонове,

Шолохове, Твардовском, Жигулине, Прасолове?

Ученый не устает напоминать, что «судьбы многих поэтов XX века нельзя представить вне основного вектора исторического развития России», что творчество каждого Мастера не укладывается в «тесные групповые клетушки». К мысли о том, что главным судьей для искусства (и тем более для науки и литературной критики) было и будет большое историческое время, В.М. Акаткин часто возвращается в своих книгах. Назову лишь те, что стоят на полке в нашей библиотеке: «Песня о человеке: статьи о поэзии» (1986), «Дорога и память: о Твардовском» (1989), «Прощание с утопией» (1991), «Живые письма: о поэтах и поэзии» (1996), «Река времен: о поэтах и поэзии» (1998), «Александр Твардовский и время. Служение и противостояние» (2006), «А.Т. Твардовский. Страницы творчества» (2008), «Поэзия. Слово. Культура» (2011), «На переправах века» (2015), «Лики народной культуры» (2018).

В.М. Акаткин всегда разборчиво относился к составлению антологий и хрестоматий, готовил для печати лишь то, к чему лежало сердце. «Присягаем Победой: стихи о Великой Отечественной войне» (1986), «Университетская муза» (1991), «Поэзия серебряного века» (1995), «Воронеж. Родина. Любовь: поэзия Воронежского края» (2000), «Лишь слову жизнь дана...» Стихи поэтов-филологов Воронежского университета» (2001) — эти издания знакомы читателям разных поколений.

Особенно памятен мне сборник «Была война...» (1984), вышедший в издательстве «Детская литература». Я нашел его случайно в крошечном магазине Ашхабада, куда после университета направили «проходить срочную службу». В казарме нашей части, готовившей необученных солдат к боевым действиям в Афганистане, решил «полистать» книгу с друзьями. Стихи, собранные под одной обложкой, мы читали, не таясь, иногда после отбоя. И сборник был изъят из оборота дежурным по час-

ти офицером. Через день или два он по-дошел к мне, почти дружески вернул книгу: «Ты с этим поаккуратней, академик!» И начал расспрашивать о Жигулине: «Утинные Дворики», как оказалось, капитан прежде никогда не читал. Не знаю, скольким моим однополчанам, ушедшим «воевать за речку», стихи поэтов послевоенного поколения помогли выжить, но знаю точно: с выбором стихотворений для сослуживцев мне повезло благодаря Виктору Михайловичу Акаткину — составителю этой книги.

С детства усвоив серьезное отношение к печатному слову, его воспитательному значению, ученый уже полвека своими книгами, статьями, газетными интервью отстаивает мир ценностей литературы. Не устает доказывать, что произведения каждого большого художника нужно рассматривать в «потоке истории, в общем движении литературы и языка, поверяя творчество каждого высшими критериями Правды, Добра, Красоты, Народности». Вновь и вновь в его работах звучит мысль о том, что в науке и в современной литературе эти важнейшие смыслы теряются, что из поверхностного и случайного, «из завитушек вокруг пустоты» не сложится подлинно целостная картина.

Наука, культура и преподавание для ученого связаны неразрывно.

Более тридцати лет В.М. Акаткин принимает деятельное участие в проведении Дней поэзии ВГУ: из аналитических откликов и рецензий на эти весенние праздники поэтического творчества сложилась уникальная книга «Слово и время в пространстве поэзии» (2003), ставшая полезным чтением для разных поколений поклонников «второй музыки».

В трудные времена он сумел объединить энтузиастов и открыть в университете новые лаборатории, исследовательские центры, Музей народной культуры и этнографии. Им создана научная школа по изучению творчества Твардовского, известная в стране и мире, возрождены «Филологические записки», открыты новые направления подготовки студентов.

Общеизвестно, сколько усилий предпринимает университетский профессор в защиту русской литературы и родной речи, классического филологического образования — достойных условий жизни учителя, «главного устроителя человеческих отношений в государстве». Как и прежде, он участник международных научных конференций и семинаров. В печати — новые статьи и книги. И это значит, что «праздно терзаться и даром страдать» времени по-прежнему нет.

